

Люк медленно открыл глаза, мир плыл перед ним; с правой стороны его по-прежнему застилала темная пелена и Люку пришлось чуть повернуть голову, чтобы сфокусировать зрение на Мастере, и опять даже это небольшое движение отозвалось глубокой резкой болью в ключице, заставляя замереть и не дышать. Время все еще состояло из коротких отрезков прихода в сознание, безо всякого представления длины интервалов между ними – и это оставляло неприятно-тревожное чувство, что люди вокруг появлялись и исчезали за одно мигание век.

Его Мастер заговорил, не обращая никакого внимания на дезориентацию Люка.

- У меня для тебя новости, друг мой. Мой агент, работающий на главной базе Восстания, прислал доказательства, которые я давно ждал - подтверждение, что покушение на твою жизнь было спланировано и организовано там.

Палпатин ненадолго замолк, борясь с нежеланием предать наконец огласке эту изобличающую информацию. Прошло много времени с тех пор, как он начал упорно работать, чтобы достигнуть данного результата: форсировать действия мятежников, не выдавая свою заинтересованность в них.

- Приказ об убийстве был санкционирован и подписан "благородными" лидерами мятежного Альянса; теми, что были так исполнены благочестием и убеждением в правоте своей морали... Пока она не перестала быть удобной для них. Они - твои агрессоры, друг мой. Те, на чьей стороне ты боролся; те, кого ты ни разу не тронул и не обвинил. И как быстро они осудили тебя... но разве я не всегда предупреждал тебя об их предательстве?

Он затих, смотря пронзающим желтым взглядом на своего джедая, ища некую реакцию, взрыв ярости, который ощутил бы он сам, преподнеси ему такие новости - продолжение того гнева, что вспыхнул только несколько дней назад, когда стала известна истинная цель нападения. Странно, но мальчишка только неуклюже отвернул голову, с полным отсутствием эмоций на лице. Палпатин тонко протянулся к нему в Силе, но смог лишь на мгновение ощутить опустившийся на него пресс, давящий, тяжелый. Разочарование вместо возмущения, потерю вместо гнева. Но принятие. Окончательный разрыв старых связей; даже тех, что лежали слишком глубоко - настолько, что Палпатин сам, вероятно, никогда бы не смог порвать их. Такой серьезный внутренний разрыв мог быть вызван только теми, кому доверял джедай.

Палпатин почти немедленно был отодвинут обратно, щиты поднялись и скрыли истинные эмоции, но он успел бросить взгляд на правду, и этого было достаточно. Достаточно, чтобы губы старика тронула тень скрытой удовлетворенной улыбки.

Горе нахлынуло на Люка волнами, и все же он ощущал себя странно спокойным, отворачиваясь и закрывая свои эмоции, которые успел ощутить его Мастер; погружаясь внутрь себя – слыша только звук своего рваного дыхания и медленный стук сердца. Если бы он мог остановить и то, и другое, он сделал бы это без колебаний. Просто закрыл бы свои глаза и исчез...

В голове закружились воспоминания, мгновения - те, что так долго поддерживали его; воспоминания о духе доверия и товарищества, которые помогали ему посреди нескончаемого шторма, удерживая в штилевом центре.

Была ли там Лея, когда они принимали это решение? А Мон? Женщина, которая пожимала его руку и говорила, что горда принятым им обязательством и долгом, что они нуждались в таких, как он. Был ли там Риекан, человек, обещавший ему постоянную защиту Альянса в тот день,

когда он возглавил список преступников, разыскиваемых Империей. Были ли там Мадин и Акбар? Был ли там Хан?

Спустя длительное время он понял, что его Мастер по-прежнему говорит, напыщенно и важно, словно справляет мессу - рассказывает о каких-то деталях и официальном обвинении. Люк хотел сказать ему, чтобы он остановился - что это сражение выиграно им, что Люк понял это окончательное предательство и принял его значение и последствия.

Но все, что он мог сделать - только лежать и наблюдать за двигающимися в самодовольном обвинении бескровными губами и слушать глубокую тишину между ударами своего раздавленного сердца.

Он снова проснулся поздним вечером, ощущая знакомое присутствие, царапающее подсознание. Вейдер стоял чуть поодаль, в тених; и хотя Люк едва ли скучал по нему, шипение респиратора, громко раздающееся в тишине и казавшееся когда-то резким и грубым, было теперь настолько знакомым, что... успокаивало его.

Люк знал, помнил сквозь туман своего изломанного восприятия, отмечающего долгие дни, количество которых он не мог сосчитать, помнил присутствие отца в комнате, его чувство тревоги и беспокойства, даже заботы. Он не доверял своему отцу, конечно, понимая, что его чувства могли быть связаны всего лишь с корыстными интересами - но сейчас, в своем состоянии, у Люка не было ни сил, ни желания удерживать обычную дистанцию между ними.

Возможно, Вейдер ощутил это, потому что его слова, наполненные редкостным сочувствием, заставили Люка повернуть к нему голову:

- Не живи слишком долго под этим. Это было неизбежно - слишком большие силы находились в игре.

Он знал, что его отец хотел сказать больше, что он хотел сказать все, что сказал Император, что он хотел сказать: "Я предупреждал тебя. Я говорил тебе. Я знал, а ты не слушал". Если бы Люк мог, он вытер бы свои глаза, но его руки были все еще бесполезны, и он смог только покачать головой, испытывая очередной шок от боли в груди и плечах. В конце концов он коротко и горько рассмеялся, обрета голос в своем гневе на себя.

- Давай. Скажи это, - чуть слышно прохрипел он, горло до сих пор было слишком травмировано для большего.

Вейдер промолчал - ему нечего было добавить к своим словам. Он довольно хорошо успел узнать своего сына, чтобы понимать, что самодовольное напоминание о своей правоте ничего не даст, и, не зная, что еще он может сделать, он учился держать это мнение при себе. Долгое время они молчали в тишине, и Вейдер, видя, что его сын впадает все глубже в циничную меланхолию, в попытке остановить это, в конце концов, произнес:

- Ты не ошибался. Они не понимали тебя - они не могли.

- А ты понимаешь? - крохотная нотка вызова в тихом голосе.

- Нет, - ответил Вейдер серьезно. - Нисколько.

Не выдерживая, Люк безрадостно засмеялся - чувствуя, как смех обжигает горло; тогда он отвел взгляд, а затем вновь задумчиво взглянул на отца:

- Я никогда не слышал, чтобы ты смеялся.

- Я смеюсь, - ответил отец, удивляя Люка сдержанным, чуть саркастичным дополнением: - Просто не вслух.

- Над чем? - с сомнением спросил Люк, но в хриплом голосе послышались нотки юмора.

Вейдер не ответил, внезапно ощутив себя неудобно, и Люк, почувствовав это, отвел взгляд. Оба знали, что они очертили новую территорию в их отношениях - и оба боялись ступить слишком далеко со знакомого и безопасного пути, застланного укоренившимися обидами и обвинениями.

Люк долго и пристально смотрел в потолок, пока Вейдер рассматривал своего сына. Серьезную зарубцевавшуюся рану, пронзившую его горло, и уродливый шрам, распахавший правую сторону лица - оставленный небрежным и ярко заметным, так же, как и темно-красное пятно в его до сих пор безжизненном глазу - хотя хрусталик в нем восстановился и врачи заверили, что он не потеряет зрение.

Сын на мгновение взглянул на него, и, несмотря на все раны, его глаза показались такими похожими на глаза Вейдера... Прошло много времени с тех пор, как он смотрел на свое отражение, однако было невозможно не заметить, как мальчик похож на него - те же глаза, те же волосы, та же линия подбородка. Сухощавый и мускулистый, как Энакин в юности, но невысокий и аккуратно сложенный, как его мать. Соединение их обоих, его самого и...

Что бы она подумала, увидев своего сына таким? Размышление о ее горе позволило Вейдеру признать частично и свое собственное; признать, что тяжесть, находившаяся в нем словно огромный холодный камень с момента, как он узнал, что случилось, была... страхом. Не за свои планы и намерения, не за потенциальную выгоду, не за то, что мог достигнуть и воплотить мальчик ... Он лишь боялся потерять своего сына. Ничего больше.

Он не хотел терять то единственное в жизни, что представляло настоящую ценность для него.

Не в силах высказать все это хотя бы частично, он просто заметил:

- Ты выздоравливаешь, это хорошо.

Люк промолчал, зная, что его отец говорит только, чтобы прервать тишину - побуждая Люка сделать то же самое. Однако он оставался потерянным в своих мыслях, порванный реальностью и своими сожалениями.

- Они были моей семьей, - прошептал он наконец, с явным чувством утраты и крушений иллюзий в голосе. - Я доверял им абсолютно - а они доверяли мне. - Он затих, размышляя, и, когда заговорил снова, тихий голос был подавленным и медлительным, затерянным в прошлом: - Я иногда служил телохранителем у Мон Мотмы, когда она оказывалась в опасных ситуациях, и у Леи Органы. Ты знал это? Когда Мон назначала меня на то место, она сказала, что доверяет только десятку человек для этой цели. А я ответил, что это честь для меня. И Мадин - Крикс Мадин - всегда использовал одних и тех же пилотов для его спецопераций. Одну и ту же команду - никогда никого не меняя в ней. Он говорил, что мы те, в ком он уверен и на кого может рассчитывать.

Лея... - Люк остановился, произнес ее имя и затем продолжил с заметным чувством привязанности: - Лея Органа говорила мне, что всегда будет доверять мне. Всегда, независимо ни от чего. Я как-то нашел бутылку альдераанского меда в кантине на Анзионе и купил для

нее. Это стоило мне всего месячного жалования, но я заплатил бы дважды, чтобы только увидеть ее лицо, когда принес ей мед. Мы сидели на летной палубе и пили его из пластиковых чашек. Она сказала мне, что не может вспомнить, на что походило это место до меня - что она не может представить его без меня. - Люк затих в безмолвной задумчивости, окунувшись в воспоминания.

- Они делали все, что нужно, для управления тобой, - Вейдер попытался удержаться от обвинительной интонации.

- Нет, - пробормотал Люк, не глядя на него, - я был одним целым с ними. Там было мое место.

- Твое место здесь, - заявил его отец, уверенный, как всегда. - Твоя жизнь здесь.

Люк покачал головой:

- Нет ничего для меня здесь.

- Это так только из-за твоих собственных действий, - пророкотал Вейдер, поворачивая к себе искренне-вопросительный взгляд сына.

Возможно, наступил переломный момент? Тот самый решающий фактор, в котором нуждался Люк? Он так долго ходил по окраине своей жизни здесь, решительно отказываясь быть вовлеченным в нее; возможно, теперь выбор был сделан за него. Вейдер кратко отметил про себя, что нужно будет более тщательно рассмотреть события, предшествующие покушению, но сейчас под выжидающим взглядом сына, было не время для этого.

- Это - твоя жизнь, - произнес Вейдер, - если она не нравится тебе, в твоей власти изменить ее. Сделай это.

Люк отвел взгляд с нейтральным выражением на лице, но Вейдер ощущал, как мчатся его мысли. И он пошел дальше, зная, что сейчас мальчик слушал его, как никогда прежде.

- Взгляни на свою жизнь, на свое положение. На возможности, которые доступны тебе. Возьми их, используй. Ты стоишь в тени Палпатина по собственному выбору. Ты позволяешь ему контроль над собой. - Люк резко взглянул на него, на израненном лице отобразилось сомнение. Но у Вейдера не было никаких сомнений, никакой неуверенности в сыне. - Ты научился от него всему, что возможно... Раньше он был преимуществом, теперь же - только преграда.

Какое-то время Люк, задумавшись, блуждал красными, болезненными глазами по комнате.

- Он слишком могуществен, - наконец прохрипел он, не замечая больше боли в горле.

- Потому что ты позволяешь это. Потому что ты не используешь мощь, доступу к которой он тебя научил. Если бы ты привлек ее, если бы ты выявил этот потенциал... - Вейдер остановился, понимая, что нельзя слишком сильно давить на мальчика, иначе тот автоматически оттолкнется назад - как всегда. Но сейчас он ощущал, что сын дрогнул, заколебался на самом краю необходимого выбора. - Возьми контроль на себя, - убеждал он, сведя басовый тон почти до шепота.

Его сын долго молчал и затем направил глаза к отцу, пронизательные и испытующие, несмотря на ужасный вид:

- И если я сделаю так - где будет твое место?

- Там же, где сейчас, - уклонился Вейдер, но Люка было не одурачить.

Он покачал головой, недоверчиво улыбаясь:

- Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь.

Однако Вейдер не уступил, не сейчас, когда мальчик впервые обсуждал это открыто, впервые смотрел на детали, впервые раздумывал над последствиями. Впервые он считал Вейдера частью плана - в качестве союзника, а не врага.

- Этот вопрос можно будет решить потом, когда возникнет необходимость, - вновь плавно ушел от прямого ответа Вейдер.

- Так не пойдет, - Люк тоже не отступал. - Мне нужно точное разъяснение, без него я не могу начать...

Он внезапно остановился, словно почувствовав, что сказал слишком много; и Вейдер, зная, что мальчик думает, что свершил промах, из-за истощившей его усталости, молчал, размышляя о каком именно промахе переживает Люк.

Понимая, что его отец в конечном счете определит это, Люк сам предложил ответ, в надежде удержать хоть какой-то контроль над ситуацией или, возможно, он просто слишком устал и совершал ошибку за ошибкой.

- Я говорил тебе, что мои цели отличаются от твоих.

Последовавшее понимание стало откровением для Вейдера, в каждом значении слова - почему Люк так долго колебался, почему не шел на открытое противостояние, почему позволял контроль Палпатину...

Люк думал, что если он удалит Императора, после он окажется в прямой конфронтации с отцом - и несмотря на все, что он говорил вслух, он не хотел этого.

Так именно это сдерживало его? Нежелание вступить в конфликт со своим отцом было настолько велико, что он соглашался выносить ограничения, принуждения и наказания Палпатина, лишь бы не столкнуться в борьбе за власть с Вейдером, после удаления Императора? Вейдер ощутил взрыв радостного удовлетворения, при мысли о том, что он сможет иметь такой контроль над мальчиком, от того, что...

Он тотчас резко отпрянул от своей реакции, ужасаясь ей. Он должен быть горд, что вызывает такие чувства в Люке. То, что он едва не потерял своего сына, дало Вейдеру понять, как много мальчик значит для него, и тем не менее сейчас, когда его сын наконец признал родственные чувства, признал некоторую зависимость от них, Вейдер увидел в этом лишь возможность для контроля над ним, способ использовать эти кровные узы для своей выгоды.

Не было ничего удивительного в том, что Люк с такой неохотой признавался в этом, даже сейчас. Он был прав, он действительно слишком хорошо знал Вейдера. Неудобство от собственной реакции и от понимания, что сын знал о ней наперед, заставило Вейдера неловко молчать.

Отведя взгляд, Люк тихо произнес:

-Так что, видишь, решение зависит не только от меня...

Вейдер поднял глаза:

- Я вижу, что не только я способен к манипуляциям.

Небольшой намек на улыбку коснулся уголков разбитых губ Люка:

- Возможно, ты прав... Я научился всему, чему мог от Палпатина. От каждого Мастера.

Слова были выбраны осторожно и аккуратно; они были и согласием с Вейдером и подтверждением, что его план может стать возможным - если тот откажется от любого права на управление Люком. Вейдер сощурил глаза, удивляясь, хотя на его голосе это никак не отразилось:

- Значит, ты обдумываешь то, что я сказал? - Вейдер никак не ответил на условия мальчика.

- Ты сделаешь то же самое? - надавил сын.

- Мне нечего обдумывать, - произнес Вейдер, по-прежнему не желая отказываться от своих целей.

- Тогда я должен сказать то же самое, - парировал Люк, не желая, как всегда, уступить.

Долгое время Вейдер молчал, под пристальным взглядом сына. Он был настолько близок - так близок к тому, чтобы подтолкнуть мальчика вперед. Как он мог теперь отказаться от этого?

- Ты - упрямый человек, - беззлобно обвинил Вейдер.

- Не могу представить, откуда это у меня, - Люк откинул голову на подушку, закрывая ненадолго глаза.

Дверь плавно открылась, и на пороге возник Халлин с медицинским сканером в руке.

- О-о, я могу вернуться...

- Нет, входи, Нейтан. Мы уже закончили, - Люк был рад его появлению. Он уже совершил две ошибки из-за своей усталости, и отец знал об этом, и обязательно дождал бы до третьей, а Люк не хотел связывать себя словами.

- Мы еще поговорим об этом, - желая дать понять, что обсуждение не закончено, произнес Вейдер, прежде чем решительно повернуться и выйти из комнаты.

Люк облегченно вздохнул, расслабляясь; Халлин неуверенно взглянул на него.

- О чем?

Как бы сильно Люк не доверял доктору, три года во дворце научили его не делиться информацией без надобности ни с кем, включая Нейтана. Таким образом, даже под принуждением его уязвимые союзники не могли бы рассказать того, чего они не знали - этому он также научился у своего Мастера.

- Ни о чем новом, - ответил Люк просто, ничего не добавляя. Ложь необходимо было помнить, и к тому же она часто усугублялась в дальнейшем, а его память сейчас по-прежнему не блистала. Да и в любом случае, он не чувствовал потребности объясняться, даже с Халлином.

- Он много находился здесь, пока ты был без сознания, - произнес Халлин нейтральным тоном, считывая показания сканера у груди Люка.

Люк вздохнул; как только концентрация адреналина от разговора с отцом пошла на спад, истощение вновь начало неумолимо давить на него.

- Он просто защищает свои вложения.

- Ты по-прежнему не доверяешь ему?

- Нет, - прохрипел Люк, чувствуя себя крайне уставшим. Что бы там ни было, этот фактор не изменился.

Он обдумывал слова отца. Несмотря на стремление к собственным целям, Вейдер был прав в одном: Люк слишком долго ходил на цыпочках, взирая на свою жизнь из-за угла, пойманный между прошлым и настоящим. По всей видимости он должен быть благодарен Альянсу: они обстоятельно разъяснили ему, что пришло время идти вперед. Благодарен Императору за...

И внезапно на ум пришла мысль: а не было ли все это очередной манипуляцией его Мастера, предназначенной именно для того, чтобы показать наконец, самым очевидным способом, где находится лояльность Альянса - и тем самым утвердить лояльность Люка. Если так, то это была большая и рискованная игра... но, возможно, Император не ожидал настолько прямой и непосредственной реакции.

- Задумался? - нарушил тишину Халлин.

- Да. Думаю, приложил ли Палпатин к этому руку, - ответил Люк, оставаясь погруженным в мысли.

- К чему? - спросил доктор, не отрывая глаз от медицинских показателей.

- К этому, - Люк чуть приподнял искромсанную руку, чтобы указать на свои раны.

Халлин нахмурился; используя стилус для датапада, он коснулся тыльной стороны левой кисти Люка, сразу под последней поддерживающей руку спицей:

- Можешь пошевелить пальцами?

Люк в быстрой последовательности пробарабанил пальцами по кровати, но Халлин даже не взглянул на это.

- Не используя Силу, - добавил он сухо - отлично знакомый теперь с этим антинаучным феноменом, который раньше полностью отвергал, считая невозможным. Научные доказательства и генетические выкладки были замечательны, но нельзя опровергать то, что находится перед твоими глазами.

Люк тихо глянул на него и сосредоточился; прошло много долгих секунд, прежде чем его указательный палец едва дернулся. Халлин внимательно наблюдал за этим, с непроницаемым выражением лица.

- Мне нужно волноваться? - побудил его Люк к ответу.

- Думаю, я бы волновался, если бы Император пытался убить меня, - Халлин сделал вид, словно неправильно понял вопрос.

- Нет, это вряд ли, - убежденно проговорил Люк, соглашаясь пойти в этом направлении, случайном или нет. - Я думаю, что он лишь хотел вызвать определенную реакцию - встряхнуть и поляризовать ситуацию. Но то, какой будет эта реакция, являлось единственной переменной, над которой у него не было никакого контроля.

Люк обдумал, мог ли знать его Мастер об информации, которую Люк аккуратно отбирал и передавал Альянсу уже почти год под маской нескольких неизвестных "сочувствующих мятежникам", но отклонил эту мысль как паранойю. Как бы сильно Палпатин не любил свои схемы, с таким огромным злоупотреблением доверия он разобрался бы гораздо более прямым способом. Преподав Люку очередной "урок", который тот никогда бы не смог забыть. Нет - если бы он знал, Люк сейчас валялся бы в камере.

- В таком случае это выглядит уж слишком рискованной игрой, - сказал Халлин, ломая ход мыслей Люка.

- Зависит от того, что на кону, - ответил Люк. - Иногда главная игра стоит этого.

Халлин поднял сомневающийся взгляд. Люк почти пожал плечами, но вовремя вспомнил, что над его раздробленными ключицами все еще протянуты спицы.

- При определенном раскладе карт, когда на кону слишком много и ты уже не можешь отступить - основываясь на своих преимуществах и вероятном доходе, а также на знании игроков, ты понимаешь, что наступил лучший момент для риска.

- Мы говорим не об игре в сабакк, - не согласился Халлин.

- Та же самая теория, - заверил Люк. - По большей части это не была такая уж непредсказуемая игра. Он был уверен, что Восстание среагирует, если он форсирует события достаточно крупным жестом.

Люк ощущал сомнения Халлина - но тот не знал Палпатина, как Люк.

Долгие часы, проведенные им в капкане камеры наедине с понукающими манипуляциями его Мастера, стоили ему дорого, но если было что-то, что он мог извлечь из тех болезненных воспоминаний, то это было знание Палпатина. Знание, как работал тот извращенный, эгоцентричный и своекорыстный разум. Да, его Мастер также знал Люка наизнанку, но как Палпатин любил цитировать: все знание приходило по цене - и ценой того, что тот знал, как манипулировать и управлять Люком, стало то, что Люк знал, как интригует и воздействует, как составляет свои планы Палпатин.

И последняя игра Мастера ни в коем случае не находилась вне его контроля - он полагал, что мог управлять ею, направляя на достижение нужного ему результата.

- Кроме незначительного осложнения, почти удавшегося моего убийства, его схема сработала отлично. Он достиг всего, что хотел.

- Только если ты позволишь ему это, - рассудил Халлин, неожиданно вызывая сухой и сиплый смех своего пациента.

- Почему сегодня все говорят мне это? - произнес Люк и быстро добавил, чтобы предотвратить вопрос: - Думаю, я должен принять эту специфическую игру.

- Что ты сделаешь? - спросил Халлин, хоть и знал, что Люк не скажет ничего определенного; в

этом он очень походил на Императора.

- Палпатин ждет ответной реакции с моей стороны, - произнес Люк, вновь погружаясь в свои мысли. - Я не хотел бы разочаровывать его.

<http://tl.rulate.ru/book/24624/1245407>